

Сильвия
СТИЛЛ

Але
РОДНОЙ СЫН

ДЛЯ МАЙОРА *Абрамова*

Оливия Стилл (Не) родной сын для майора Абрамова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73140448

SelfPub; 2026

Аннотация

Шесть лет назад я потеряла всё – мужчину, которого любила до безумия, и себя вместе с ним.

Я убежала от боли и... спрятала от Руслана самое главное – его сына.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	35
Глава 8	40
Глава 9	45
Глава 10	51
Глава 11	57
Глава 12	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Оливия Стилл (Не) родной сын для майора Абрамова

Глава 1

Оля

– Абрамов, ты зверь... Господи, ещё немного! – донесся до меня томный, хриплый женский голос, в котором слышалась сладкая дрожь и бесстыдное наслаждение.

Мои пальцы непроизвольно сжались на телефоне, который я так торопилась отвезти Руслану. Он сегодня был в ночную смену и снова забыл трубку дома, а мне так захотелось сделать сюрприз – заехать вечером в его офис и неожиданно пригласить на ужин. И пусть, что в ближайшую шаурмичную... Зато вместе!

Еще полчаса назад я радостно планировала, как мы проведем вечер, поедая вкусняшку в лаваше и наконец-то обсудим хоть какие-то детали свадьбы и... наконец-то сообщу своему будущему мужу, что помимо всего прочего, он совсем скоро станет отцом! А сейчас...

Сейчас, стоя у приоткрытой двери кабинета, сердце болезненно ударило в грудь. Дыхание перехватило, а по спине

пробежал липкий холодок. Ноги словно приросли к полу, не давая сделать ни шаг вперед, ни назад.

За дверью звучали отчетливые стоны, вздохи, шепот, не оставляющие сомнений в том, чем заняты люди внутри. Голос был чужим и одновременно слишком знакомым – он причинял боль, резал душу острыми лезвиями.

Я мечтала ошибиться... Надеялась, что это просто слуховая галлюцинация или что-то вроде того, но...

– Руслан... да, да... – голос незнакомой женщины донесся так отчетливо, что сомнений не осталось.

Меня накрыло волной удушливой паники. Я с силой прикусила губу, едва сдержав крик, и шагнула вперед.

Нужно было убедиться. Увидеть, понять, что это ошибка, кошмарный сон, нелепое совпадение.

Дверь кабинета чуть поддалась, и перед моими глазами предстала широкая, сильная мужская спина с огромной татуировкой медведя на плече. Точно такой же, которую я видела сотни раз, которую целовала каждую ночь и обнимала каждое утро.

Я смотрела и не могла поверить. Казалось, воздух внезапно стал плотным, как стекло. Легкие не справлялись с дыханием, сердце с глухим стуком билось где-то в горле. В голове пульсировало только одно слово: «Нет!»

Но в тот же миг блондинка, распластавшаяся под мужской, резко повернула голову и встретила со мной взглядом. Её глаза, полные наглого превосходства, блеснули холодной

насмешкой. Губы девушки медленно расплылись в презрительной, ехидной улыбке, словно она только и ждала моего появления, чтобы торжествуяще добить меня.

Телефон с грохотом упал на пол. Руслан резко вздрогнул и чуть повернул голову, но девица тут же притянула его ближе и страстно поцеловала... Я не стала ждать, чтобы увидеть его лицо, услышать оправдания или лживые обещания. Внутри разлилась огненная боль, душившая и разрывавшая меня изнутри.

Развернувшись, я бросилась прочь. Каблуки цокали по кафельному полу, предательски подгибались ноги, а слезы застилали глаза так, что я почти не видела дороги. Кажется, я закричала, но собственный голос звучал где-то далеко.

– Оля! – донеслось сзади, и сердце больно сжалось.

– Стой, подожди!

Нет, ни за что. Пошел ты к черту, кобель!

– Оля, да подожди же ты! Костян, придержи её! – голос Руслана разносился эхом по пустынному коридору, и я ускорила, чувствуя нарастающую панику.

Нельзя дать ему догнать себя, нельзя позволить оправдаться и солгать снова.

Охранник дернулся было в мою сторону, но я уже вылетела на улицу, где навстречу хлынул холодный, жесткий вечерний воздух, резко ударив по лицу.

В груди полыхало отчаяние и гнев. Я почти не помнила, как добралась до метро, с трудом спустилась по ступенькам,

смешалась с людским потоком и буквально нырнула в переполненный вагон поезда, двери которого тут же сомкнулись за мной.

Я рухнула на жесткое сиденье, хватая ртом воздух. Глаза горели от слез, которые не могли остановиться. Меня кололо крупной дрожью, и каждый вдох давался с трудом. В голове снова и снова мелькали кадры: татуировка, широкая спина, глаза той женщины и ее ехидная улыбка.

Тело затопило волной противной, обжигающей ревности. Я закрыла лицо руками, пряча всхлипы от любопытных взглядов окружающих.

Как долго это продолжается?! Сколько я слепо доверяю лжецу?!

– Предатель, – прошептала я тихо, сжимая пальцы в кулаки так, что ногти впились в ладони до боли.

– Подлый трус!

Я смотрела перед собой, ничего не видя, только чувствуя, как рушится мой мир, превращаясь в горстку пепла. Всё, что я строила, чему верила и ради чего жила, только что было уничтожено им – человеком, которого я так сильно любила.

В этот миг я поняла одно: я больше никогда не хочу видеть его перед собой. Никогда не смогу простить и поверить снова.

Руслан Абрамов, мужчина, которого я считала любовью всей своей жизни, оказался обычным предателем. А я – наивной дурочкой, верящий в сказку, которой на самом деле

никогда и не существовало.

Глава 2

Оля

Я даже не помню, как вышла из метро. Вокруг был какой-то размытый фон из чужих лиц, мелькающих огней и гудения вечернего города. Всё казалось ненастоящим, словно я смотрела на происходящее через запотевшее стекло. Тело двигалось автоматически, а в голове крутилась лишь одна сцена – широкая спина Руслана с чернильно-чёрным медведем на плече и ехидная, победная улыбка той блондинки.

Выйдя на улицу, застыла, мне в лицо ударил резкий холодный ветер. Я вздрогнула и инстинктивно плотнее запахнула пальто, хотя знала, что от внутреннего холода это не спасёт. Слезы застилали глаза так, что фонари превратились в расплывчатые пятна, а ноги едва слушались меня, словно стали чужими.

Как он мог? Как?!

Этот вопрос безжалостно бился в голове, словно молотком по стеклу, не давая прийти в себя. Грудь сжимало так, будто на неё наступили тяжёлым ботинком. Я даже не могла нормально вдохнуть. Казалось, воздуха катастрофически мало даже здесь, на открытом пространстве.

Дом показался мне совершенно чужим, когда я наконец дошла до него. Поднимаясь по лестнице на третий этаж, я всхлипывала, опираясь о холодные стены, потому что боя-

лась просто упасть от слабости.

Какой же наивной дуручкой я была! Верила в его любовь, в наши планы, в нашу свадьбу. Верила ему.

Скрипнула дверь. Меня встретила звенящая, удушливая пустота квартиры, которую мы недавно сняли. Мы даже не успели толком распаковать вещи, потому что всё откладывали на выходные, когда у обоих будет свободное время. Я представляла, как расставлю милые вазочки, повешу наши фотографии на стены, наполню дом ароматом свежей выпечки. Хотела превратить эту съёмную квартиру в уютное гнёздышко, где будет тепло и безопасно.

А теперь... всё рухнуло.

Я встала посреди гостиной, глядя на коробки с моими вещами, и слёзы снова полились градом. Всё, во что я верила, оказалось ложью. Я обняла себя руками, пытаюсь остановить дрожь, но безуспешно. Меня била крупная дрожь, и я понимала, что не могу здесь оставаться. Я должна уехать. Прямо сейчас.

Я метнулась к шкафу, вытащила оттуда сумку и начала лихорадочно закидывать туда вещи, которые распаковала, чтобы хоть в чем-то ходить... В голове царил хаос. Я двигалась быстро, судорожно, боясь, что дверь откроется и он войдёт, начнёт объясняться, врать, оправдываться...

Нет, только не это.

Да и не может этого быть... На метро Руслан не поедет, а на машине от работы до дома добрый час по пробкам. Я как

раз успею сбежать...

В ванной, зацепившись взглядом за своё отражение, я едва узнала себя – опухшие красные глаза, бледная кожа, трясущиеся руки.

Неужели это я? Это та самая счастливая Оля, которая ещё утром планировала свадьбу?

Я содрогнулась и отвернулась.

– Нет, хватит! – всхлипнула я, вытирая слёзы ладонью.

– Хватит думать о нём! Ты сильная. Ты справишься. У тебя нет выбора.

Рука непроизвольно коснулась пока еще плоского живота.

Мой малыш... О Боже, какая же я дура! Малыш... я должна успокоиться ради него. Ради него я не могу так истерить. Мне нужно быть сильной хотя бы для него.

Я замерла на несколько секунд, глубоко вдохнула и выдохнула, стараясь унять дрожь и тревогу, сковавшую тело. Но стоило мне закрыть глаза, как передо мной вновь появилась ехидная улыбка той блондинки, и злость с новой силой хлынула в сердце, смешиваясь с болью и отчаянием.

Нет, я не могу больше оставаться здесь ни секунды.

Схватив сумку и закинув ее на плечо, я стащила с пальца помолвочное кольцо. Оно жалко блеснуло в свете лампы и упало на стол рядом с ключами от квартиры. Я даже не стала оглядываться. Просто вышла и громко захлопнула дверь, словно пытаясь этим звуком отрезать прошлое от себя навсегда.

На улице я быстро поймала такси, назвала адрес автовокзала и снова позволила себе заплакать. Телефон в сумке надрывался от звонков. Руслан звонил снова и снова, но я лишь крепче сжимала кулаки, заставляя себя не отвечать.

Нет больше Руслана. Нет больше нас. Есть только я и ребёнок, которому я должна обеспечить спокойствие и безопасность.

На автовокзале я купила билет на ближайший автобус. Направление было неважно – главное, как можно дальше отсюда. Всю дорогу я тупо смотрела в темноту, а слёзы катились одна за другой по щекам. Боль не отпускала. Наоборот – она росла, с каждой минутой превращаясь в злость, в отчаяние, в глухую, душащую обиду.

Спустя почти триста километров автобус остановился на заправке. Я вышла на свежий воздух и с силой вдохнула, но кислорода снова не хватало. Словно я задохнулась уже давно, еще там, в его офисе, увидев, как чужая женщина обнимает его, целует, смеётся над моей наивностью.

Меня накрыло новой волной истерики. Я присела прямо на бордюр, закрыла лицо руками и громко расплакалась, не обращая внимания на удивлённые взгляды проезжающих мимо водителей. Плевать на них. Плевать на всё.

Едва справившись с собой, я поняла, куда мне нужно ехать.

Туда, откуда я когда-то сбежала. Туда, куда никогда не собиралась возвращаться. В город, в котором каждый угол

напоминает о боли и унижении. Туда, где моё имя известно всем, но... именно туда Руслан никогда не сунется, потому что я банально не решилась рассказать ему о своем прошлом. Мне было стыдно...

Но сейчас, у меня просто нет выбора.

Глава 3

Оля

Такси высадило меня на пустую ночную улицу моего родного городка.

Отсюда я сбежала несколько лет назад, поклявшись больше никогда не возвращаться. И вот снова стою перед этой проклятой старой панелькой, глядя на облупившиеся стены подъезда, которые за последние годы, кажется, стали ещё уродливее и мрачнее. Ноги словно приросли к асфальту, и я не могла заставить себя шагнуть вперёд.

Пульс снова участился, а ладони вспотели, когда я достала из кармана телефон и набрала номер матери. Гудки показались бесконечными, сердце забилось быстро и нервно. Но вскоре трубку подняли:

– Да, Олечка, – голос мамы был усталым, но в нем прозвучали облегчение и тихая радость.

– Ты уже приехала? Всё хорошо?

Я сглотнула ком в горле, едва не расплакавшись снова от одной лишь мысли, что мне снова придётся увидеть отчима.

Маме я написала смс-ку в перерывах между бесконечными звонками Руслана. Кажется, она так обрадовалась, что мне даже стало неловко, что я к ней приехала не просто в гости, а потому что бегу от подонка, предавшего мое доверие...

– Мам, я... да, я здесь, возле дома. Просто не решаюсь зайти... Этот там?

– Доченька, не бойся, он давно не пьёт. Всё хорошо, правда. Заходи спокойно, он тебя не тронет, я обещаю.

Я устало выдохнула, кусая губы, чтобы не закричать в трубку, что все её обещания ничего не стоят. Никогда не стоили... Хотела бы я сказать, что могу ее понять, но... нет. Даже спустя годы – не могу. Как можно встать на сторону мужа, а не на сторону собственного ребенка?!

– Мам, я правда боюсь... Может, я где-то до утра посижу?

– Нет, иди домой, Олечка. Я в ночь сегодня, на смене. А он уже спит, не переживай. Он давно изменился, поверь мне...

В её голосе послышалась привычная нотка оправдания, и я ощутила, как больно защемило в груди.

За эти годы ничего не изменилось. Мама всегда оправдывала его. Сколько раз я прибегала в полицию, умоляя о помощи, когда он бил её так, чтобы никто не видел синяков. Сколько раз полицейские приезжали и уходили ни с чем, потому что мама говорила, что я фантазирую, просто пытаюсь привлечь внимание. А однажды пожилой дежурный полицейский даже ухмыльнулся мне в лицо: «Нравится тебе мамин ухажёр? Не морочь голову взрослым дядям, иди лучше книжки почитай». После этого по городу разлетелись слухи, будто я, подросток, влюблена в отчима. Я была готова тогда сквозь землю провалиться от стыда и унижения, а он, мамин муж, этим наслаждался. С улыбкой смотрел на меня,

ловя мои полные слёз глаза и боль, спрятанную внутри.

Знал, гад, что я ничего сделать не могу... Кто мне поверит?! Мама уговаривала меня потерпеть, что это скоро закончится... Брала удар на себя, прятала меня у соседки, умоляла никому не сообщать, потому что нам было некуда идти, а я... я готова была идти хоть на теплотрассу, лишь бы не этим уродом в одном доме!

Но, ничего не заканчивалось... Из раза в раз все повторялось по одному и тому же сценарию, а я была бессильна. Когда я заикнулась маме о том, что хочу уехать, она поддержала меня так рьяно, что было даже слегка страшно. Она, как мать, пыталась меня уберечь... Заняла денег, откладывала то, что могла, но отправила меня в Москву с хоть каким-то запасом средств...

Я поклялась себе, что вернусь в свой город только затем, чтобы забрать маму из этого ада, но... Сложилось все через одно место!

– Оля, ты меня слышишь? – голос мамы вывел меня из тяжёлых воспоминаний.

– Да, слышу, мам. Ладно, я иду...

– Умница моя, всё будет хорошо. Утром увидимся, – сказала мама и отключилась.

Я судорожно вдохнула холодный ночной воздух, толкнула тяжёлую дверь подъезда и вошла в затхлый полумрак. Пахло сыростью, дешёвым алкоголем и табачным дымом, как и год назад. Даже надписи на стенах остались прежними: «Витёк

– козёл» и «Ленка, я тебя люблю».

Остановилась на секунду перед дверью квартиры, сглатывая горький ком в горле, и осторожно нажала звонок.

Дверь распахнулась почти сразу, и меня ударил знакомый запах перегара и грязного тела. Передо мной стоял Дмитрий – опухший, небритый, в засаленной майке-алкоголичке с отвисшими коленками и застарелыми пятнами. Он посмотрел на меня мутными глазами, из которых медленно вытекало узнавание и злость.

– Явилась... – процедил он с отвращением, окинув меня презрительным взглядом.

– Шлюха нагулялась и обратно на мою шею приползла?

Меня передёрнуло от мерзости и злости одновременно. Я отчаянно пожалела, что не нашла другого выхода и приехала сюда. Грудь сдавило от страха и ненависти, которые я испытывала к этому человеку.

– Я к маме приехала, тебя это не касается, – старалась я говорить спокойно, но голос дрожал.

Он шагнул вперёд, от него воняло перегаром и потом так, что меня замутило.

– Ко мне ты приехала, сучка неблагодарная! – прошипел он, уткнувшись лицом почти в мое лицо.

– На мою шею снова сядешь, как и мамашка твоя. Обе одинаковые твари. И где только вас таких берут...

Я попыталась отступить, но он схватил меня за локоть, впиваясь пальцами до боли. Я вскрикнула, пытаюсь вырвать-

ся.

– Отпусти меня, не смей прикасаться! – крикнула я, резко дернув руку и отступив назад.

– Ты пьяный, ложись спать!

Он усмехнулся, сжимая кулаки так, что костяшки побелели.

– Ого, какая борзая стала, а? Раньше тебя не смущало, когда за мной бегала, полицию приводила? Тогда прикидывалась овечкой невинной, а сама глазки строила мужикам взрослым, а теперь что, выросла? Или больше никто не ведётся на твоё невинное личико, а?

Всё внутри меня сжалось от боли и ярости. Он опять выставлял меня виноватой, выворачивал реальность наизнанку, наслаждаясь моей беспомощностью и болью. Он всегда так делал. Всегда.

– Заткнись! – закричала я, чувствуя, как слёзы снова застилают глаза.

– Просто замолчи! Ты прекрасно знаешь, как все было на самом деле! Урод моральный...

Дмитрий замер, а потом лицо его исказилось от бешенства.

Я не успела даже осознать, что произошло. Он замахнулся и со всей силы ударил меня по лицу раскрытой ладонью.

Щеку пронзила резкая, оглушающая боль, мир вокруг мгновенно стал расплывчатым, и я услышала лишь громкий звон в ушах...

Глава 4

Оля

Удар был такой силы, что я едва не потеряла равновесие. В ушах зазвенело, мир качнулся, а правая щека вспыхнула огнём. Я пошатнулась, но удержалась, хватаясь за стену. Перед глазами на секунду потемнело, а во рту появился металлический привкус крови.

– Теперь, тварь, твоя очередь! – заорал Дмитрий, хватая меня за ворот пальто и грубо затягивая в квартиру.

– Думаешь, можешь являться, когда вздумается? Жить за мой счёт, жрать за мой счёт, а потом делать вид, что я для тебя никто?!

Он швырнул меня внутрь, дверь с грохотом захлопнулась, отрезая путь к спасению. Сердце рванулось к горлу. Пространство вокруг будто сузилось. Квартира, пропитанная запахом перегара и старого жира, вдруг стала клеткой. Воздух густой, вязкий. Дышать было невозможно.

– Дима, хватит, – хрипло выдавила я, пытаюсь сделать шаг назад. – Я просто пришла к маме, я не собираюсь у тебя ничего просить. Успокойся.

Я прекрасно понимала, что выяснять отношения с пьяным мужиком не имеет смысла... Еще с детства я привыкла, что в такие моменты надо просто пятиться и, либо молчать, либо во всем соглашаться, правда... Внутри кипела ярость,

которую я никак не могла остановить. Все произошедшее со мной за последние сутки добивало окончательно...

– Ах, не собираешься? – Он рывкнул, приближаясь, лицо перекошилось от ненависти.

– Так значит, я зря вас кормил, поил? Мамашка твоя вечно жаловалась, что денег мало, а ты... Ты, сука, неблагодарная! – он ткнул пальцем мне в грудь, так, что я едва не отшатнулась.

– За каждую копейку теперь ответишь! За всё!

Я пятясь, задела плечом стену, а потом табуретку. Голова гудела, сердце бешено стучало. Не могла ни закричать, ни позвать на помощь – будто голос отняло.

– Не смей ко мне прикасаться! – прохрипела я, чувствуя, как всё внутри сжимается от страха. – Не смей!

Но он уже не слышал. Его мутный взгляд скользнул по мне сверху вниз, полный ненависти, презрения и... какой-то жуткой, звериной похоти. Я видела этот взгляд раньше. В четырнадцать лет. В тот самый день, когда впервые поняла, что от него нужно бежать.

Тогда мама ушла на вечернюю смену.

Я делала домашку на кухне, когда он вошёл – точно в таком же состоянии, но тихий, странно спокойный. Помню, как бросил ключи на стол и долго смотрел, как я пишу. Его взгляд лип к моим рукам, к лицу, к коленям. А потом...

Потом я почувствовала, как он подошёл слишком близко. Как его ладонь легла мне на плечо. Я дёрнулась, но он сжал сильнее.

– Красивая становишься, – сказал тогда он, шепотом, от которого меня вывернуло. – Вся в мать.

Я вскочила, опрокинув стул. Помню, как он засмеялся – глухо, мерзко. Я бросилась в комнату и захлопнула дверь, но он всё равно вошёл. Схватил меня за волосы, швырнул на кровать, не отпуская, пока я не закричала так, что охрипла.

Он не сделал ничего... не успел, но ударил... Сильно, да по лицу... и не раз!

А когда приехала мама, я дрожала вся, сидя на полу, и умоляла её поверить мне.

А мама верила, только вот сделать ничего не могла. Бесконечная череда кредитов, долгов и проблем, с которыми якобы помогал справляться мой отчим, душила в зародыше любую попытку брыкаться...

Я моргнула, прогоняя воспоминание. Сейчас – всё повторяется. Тот же запах перегара, та же звериная злоба в глазах.

Нет.

Я больше не та девочка. Я не позволю ему снова меня сломать.

– Отвали! – выкрикнула я, чувствуя, как внутри всё кипит от ужаса и ярости.

Я рванулась в сторону, но он схватил меня за волосы и дёрнул так, что слёзы брызнули из глаз. Боль пронзила череп, а по коже побежали мурашки от животного ужаса.

– Думаешь, можешь теперь командовать? – прошипел он, держа меня за волосы.

– Да я тебе сейчас покажу, кто здесь хозяин!

– Пусти! – закричала я, вырываясь. – Ты ненормальный!

Он снова замахнулся, но я успела схватить его за руку. Вся сила отчаяния, страх за ребёнка, злость за прошлое – всё сплелось в одно. Я толкнула его изо всех сил, сама не понимая, откуда во мне столько силы.

Он пошатнулся. Сделал шаг назад, зацепился за табурет и... рухнул.

Глухой удар.

Мир замер.

– Дима?.. – выдохнула я, глядя, как он лежит на полу, нелепо вывернув руку. – Вставай.

Молчание.

Я шагнула ближе. Сердце билось где-то в горле.

– Эй... хватит притворяться. – Голос дрожал, как лист. –

Вставай, я не хотела...

Он не двигался.

Меня затрясло. Руки стали ледяными. Воздух сжался в груди, дыхание сорвалось.

– Господи... – прошептала я. – Нет... нет, пожалуйста...

Я опустилась на колени рядом, трясущимися пальцами дотронулась до его плеча.

– Дима, очнись... слышишь?..

Но он не реагировал...

Глава 5

Оля

Меня затрясло так, будто по телу пустили электрический ток. Руки ледяные, словно у мертвеца, и я с трудом заставила себя дышать. В голове царил паника, мысли путались, одна страшнее другой. Но я резко взяла себя в руки, вспоминая занятия по оказанию первой помощи, которые проводили нам еще в институте.

«Пульс... Надо проверить пульс!» – мелькнуло в голове.

Я опустилась на колени рядом с отчимом, дрожащими пальцами дотронулась до его шеи, затаив дыхание и молясь, чтобы хоть что-то почувствовать. Пару секунд тишины, вечность, за которую я успела сойти с ума от ужаса. И вдруг под пальцами едва ощутимо толкнулась вена.

Жив... Он был жив!

– Господи... – выдохнула я, а потом резко вскочила, словно меня подбросило.

Надо вызывать скорую! Немедленно!

Пальцы не слушались, когда я пыталась достать телефон из кармана. Он выпал, я со слезами подобрала его и набрала три заветные цифры.

– Служба скорой помощи, слушаю, – голос диспетчера прозвучал ровно и спокойно.

– Алло! У меня... отчим... он лежит на полу без сознания,

не двигается, я не знаю, что с ним! Помогите! – мой голос дрожал так сильно, что слова едва удавалось произнести.

– Успокойтесь, назовите адрес, пожалуйста, и подробно расскажите, что произошло, – мягко, но четко произнесла женщина.

Я назвала адрес, глотая воздух, стараясь успокоиться.

– Я... Он упал, ударился головой, потерял сознание... Я не сразу поняла, он не реагировал, но сейчас я проверила, пульс есть, очень слабый! Пожалуйста, приезжайте быстрее!

– Скорая уже едет, не волнуйтесь, – заверила меня диспетчер. – Вы можете сказать точно, он дышит?

– Я... кажется, да... грудная клетка чуть-чуть поднимается... но очень слабо...

– Хорошо. Ни в коем случае его не трогайте. Если перестанет дышать, немедленно перезвоните. Держитесь, скорая будет через пару минут!

Я отключилась и стала ждать, прислушиваясь к каждому вздоху отчима. Время словно остановилось, каждую секунду я проживала в страхе, что он сейчас перестанет дышать.

Когда дверь распахнулась, и в квартиру вошли фельдшеры, у меня подкосились ноги. Меня аккуратно отодвинули в сторону, и я оперлась о стену, наблюдая, как двое мужчин в униформе быстро осматривают Дмитрия.

– Дыхание поверхностное, пульс нитевидный. Похоже на черепно-мозговую, везем немедленно! – резко бросил один другому. – Тут есть кто-то еще в квартире?

– Н-нет, – заякаясь ответила я.

– Тогда вам необходимо поехать с нами, – кивнул фельдшер, а я, словно на поводке, двинулась к выходу.

В машине скорой помощи я сидела напротив отчима, глядя на его бледное, почти мертвое лицо. В груди смешались чувства, которые невозможно было разобрать: страх, боль, злость и невероятное чувство вины.

Мы приехали в больницу за считанные минуты. Его тут же забрали в операционную, а я осталась стоять посреди приемного покоя, не зная, куда деваться. Рядом оказалась медсестра, молоденькая, с добрыми глазами.

– Присаживайтесь, вам плохо, – мягко сказала она, усаживая меня на лавку возле регистратуры.

Я опустилась, сжимая ледяные пальцы на коленях.

Как я докатилась до этого? Еще вчера утром я смотрела на анализ ХГЧ, чувствуя, как внутри зарождается новая жизнь, мечтала о свадьбе с Русланом... А сейчас я сижу в больнице и молюсь за человека, которого ненавижу всей душой.

Меня затрясло снова.

Что со мной будет, если он умрет? Если я окажусь виновной? Что будет с моим малышом?!

Нет, я не смогу жить с этим. Не смогу...

Прошел час. Я так и не решилась позвонить маме. Что ей сказать? Что я едва не убила ее мужа? Что все снова рухнуло, а жизнь превратилась в кошмар?

Из дверей реанимации вышел врач. Он выглядел усталым,

выжатым, будто только что боролся за жизнь пациента не час, а всю ночь напролет.

– Девочки, вызовите полицию, пожалуйста, – устало бросил он в сторону регистратуры.

Полицию? Зачем полиция?!

Я вскочила, подлетела к нему и дрожащим голосом спросила:

– Доктор, как он?

Он внимательно посмотрел на меня, устало потер переносицу и медленно ответил:

– Он в коме. Тяжелая черепно-мозговая травма, сильный ушиб головного мозга, внутричерепное кровоизлияние. Сделали декомпрессивную трепанацию, но прогнозы осторожные. Следующие сутки критические, и мы не можем гарантировать, что он выживет...

Меня снова качнуло, сердце сжалось, а слова врача эхом звучали в голове, каждое резало и без того израненную душу.

– Но... зачем полиция? – спросила я, чувствуя, как начинают дрожать колени.

– Такие правила, – спокойно объяснил врач.

– Пациент поступил с травмами, похожими на криминальные. Они обязаны разобраться. Дождитесь их, пожалуйста, вам придется ответить на их вопросы. Не волнуйтесь, это обязательная формальность...

Я коротко кивнула, ощущая, как руки начинают дрожать еще сильнее. Снова села на скамейку и судорожно стала пе-

ребирать в голове варианты, кому позвонить.

Руслан? Нет. Даже если приедет, будет поздно. Юристу? Откуда у меня здесь юрист... Я одна в этом городе, совершенно одна...

И тут в памяти всплыло лицо Сашки Чернова. Мой бывший одноклассник, хороший друг и... сын местного судьи. Когда я уезжала, он меня крепко обнял и сказал:

«Если что-то случится, ты всегда можешь мне написать».

Я схватила телефон, судорожно открыла список контактов и замерла. Пожалуйста, пусть он ответит...

Пара гудков показалась вечностью, а затем раздался его спокойный, уверенный голос:

– Неожиданно... Оля, что случилось?

Меня затрясло. Я едва могла говорить, но заставила себя произнести только одно:

– Саш... пожалуйста, помоги мне...

Глава 6

Оля

Сестринская казалась мне невыносимо тесной, а воздух в ней – плотным и вязким, словно стекло. Двое полицейских сидели напротив, сверля меня тяжёлыми, подозрительными взглядами. От их вопросов и постоянного давления голова кружилась, сердце бешено колотилось в груди.

– Давайте еще раз, Ольга Игоревна, – мужчина постарше пристально посмотрел на меня, слегка наклоняясь вперед.

– Что именно произошло между вами и Дмитрием Дмитриевичем?

– Я уже сказала... Он был пьян, мы поссорились, он упал... Это несчастный случай! Я не хотела...

– Несчастный случай, значит... – полицейский медленно кивнул, переглядываясь с напарником. В его глазах я отчетливо прочитала недоверие и какую-то странную злорадную уверенность.

– Он ударился головой, когда упал, – повторила я, сжимая ледяные руки под столом, пытаюсь хоть как-то успокоиться.

– Я тут же вызвала скорую.

– А может, все-таки толкнули его, а? – спокойно спросил второй, с явной издёвкой в голосе. – Соседи говорят, скандал у вас был знатный. Кричали так, что весь подъезд слышал.

– Он напал на меня! – дрожащим голосом возразила я. –

Я защищалась!

– Защищались, значит... – протянул первый полицейский, лениво перелистывая бумаги на столе.

– Вот только Дмитрий Дмитриевич сейчас в коме, и врачи не уверены, выживет ли он... И если не выживет, это уже совсем другая статья, Ольга Игоревна.

Меня охватила паника, и я едва не задохнулась от ужаса, с трудом сдерживая слёзы. Они явно знали что-то такое, о чем я не имела ни малейшего понятия.

– Я ничего не сделала! – повторяла я как заведённая. – Ничего...

– Ладно, – резко оборвал меня старший. – Собирайтесь, Ольга Игоревна, поедете с нами в участок.

Меня бросило в жар, и я растерянно огляделась, пытаюсь найти поддержку, но рядом были только равнодушные, холодные лица.

В участке меня посадили в небольшой душный кабинет с тусклой лампочкой под потолком. Другие полицейские, молодые, наглые, снова задавали одни и те же вопросы. Я пыталась отвечать спокойно, но силы таяли с каждой секундой.

– Если не сознаетесь, будет хуже, – в конце концов сказал один из них, жестко глядя мне прямо в глаза.

– Сознаться? В чем?! – взорвалась я, чувствуя, как слёзы снова подступают к горлу.

– Сами знаете, – многозначительно ответил второй. – Облегчите себе жизнь.

– Я ничего не сделала! – отчаянно прошептала я, задыхаясь от беспомощности.

Вдруг у одного из полицейских зазвонил телефон. Он взял трубку, внимательно слушал, коротко ответил и тут же дал знак напарнику. Оба вышли, бросив на меня быстрый, изумляющий взгляд.

Оставшись одна, я уже не могла сдерживать эмоции. По щеке медленно скатилась одинокая слеза, за ней другая, и я не пыталась их остановить.

Господи, как я оказалась в этом кошмаре? Как за одни сутки вся моя жизнь успела рухнуть в пропасть?

Малыш... Я закрыла глаза, обхватив руками живот, и почувствовала резкую боль и ужасную, тянущую тоску.

Время тянулось бесконечно долго. Час? Два? Я потеряла счет. Телефон у меня забрали, часов не было, а кабинет напоминал склад старой бумаги и бесполезного хлама.

Я уже перестала надеяться, когда дверь резко распахнулась, и внутрь уверенным шагом вошёл он... Сашка Чернов.

От удивления я замерла, не веря глазам. Передо мной стоял совсем не тот худощавый мальчишка, которого я помнила по школе. Передо мной стоял мужчина, красивый и уверенный, с широкими плечами и твердым взглядом серых глаз. Дорогой тёмный костюм сидел на нём идеально, а от уверенности, с которой он смотрел на меня, у меня перехватило дыхание.

– Саша... – выдохнула я, вскакивая и бросаясь к нему, как

утопающий к спасательному кругу.

Он тут же подхватил меня в крепкие объятия, и я, не выдержав, разрыдалась. Плечи содрогались от рыданий, слезы заливали его пиджак, а я не могла остановиться, да и не пыталась.

– Всё, всё... Тихо, я рядом, слышишь? – мягко прошептал он, поглаживая меня по спине.

– Успокойся, всё наладится.

С трудом он усадил меня обратно на стул, подошёл к шкафу, достал графин и стакан. Налил воды и протянул мне.

– Пей, – его голос звучал мягко, успокаивающе.

– А теперь расскажи мне все по порядку. Только спокойно, хорошо?

Я судорожно кивнула, сделала глоток воды и тихо, прерываясь на всхлипы, рассказала всё, как было. Саша слушал внимательно, не перебивая, и лишь изредка кивал.

Когда я закончила, он устало вздохнул:

– Я уже говорил с полицейскими. У них своя версия произошедшего. Пока тебя тут мариновали, ребята прошлись по квартирам... Соседи слышали вашу ссору. Твой отчим сейчас в тяжёлом состоянии, и если он умрёт, они с радостью повесят это на тебя.

Я всхлипнула, закрывая рот рукой. Страх и отчаяние снова нахлынули на меня волной.

– Саш, что же мне теперь делать?

Он вздохнул, ненадолго замолчал, а потом продолжил уже

спокойнее, но тверже:

– Хороший адвокат, конечно, поможет смягчить ситуацию. Правда, стоит это дорого, но я могу договориться. Есть шанс отделаться парой лет колонии общего...

– Саш, я... я беременна, – прошептала я, вновь чувствуя, как слёзы душат меня.

– Мне нельзя в тюрьму! Я не переживу, если малыш родится там...

Саша резко замолчал и посмотрел на меня так, будто впервые видел. Долго смотрел, пронзительно и тяжело, а потом вдруг взорвался, хлопнув ладонью по столу так, что я подскочила на месте:

– Так и знал! Я ведь знал, что всё именно так и закончится! Чёрт, Оля...

– Что ты имеешь в виду? – испуганно прошептала я, чувствуя, как тело покрывается холодным потом от ужаса.

Он снова замолчал. Долго молчал, разглядывая меня каким-то жадным, напряжённым взглядом. А потом медленно произнёс:

– Ладно. Я могу помочь. Но у меня есть условие.

– Какое? – едва слышно спросила я.

– Я отмажу тебя по всем статьям и сделаю так, что тебе и твоему ребенку ничего не будет грозить, – его голос звучал твердо, без тени сомнений.

Я замерла, не дыша, прекрасно понимая, что не бывает всё так просто. В моём положении всегда есть это чёртово «но».

– И...? – дрожащим голосом выдавила я.

– Что «и»?

– Что я буду тебе должна?

Он улыбнулся краешком губ, помолчал, а затем пожал плечами и произнёс:

– Сущую малость. Ты...

Глава 7

Руслан

– Тор, мне кажется, или ты с каждым днём жрёшь всё больше? Может, пора тебя на диету посадить, а? – я усмехнулся, дёрнув поводок, чтобы овчарка наконец перестала нюхать каждый куст и соизволила идти домой.

Тор, конечно, даже не подумал обидеться. Вместо этого он фыркнул, коротко дёрнул ушами и, скосив на меня хитрый собачий взгляд, вильнул пушистым хвостом. Я усмехнулся в ответ, подумав, что давно пора привыкнуть: моё мнение этот нахал воспринимает исключительно как шутку.

С тех пор, как «эта женщина» исчезла из моей жизни, я больше не подпускал к себе никого ближе, чем на расстояние вытянутой руки. Другие барышни, конечно, были, но задерживались ненадолго. Единственной по-настоящему стабильной связью за последние годы стали мы с этим хвостатым красавцем.

И да... Я запретил себе называть ее имя, потому что каждый раз, когда я это делал, внутри что-то невообразимо сильно сжималось и заставляло меня еще несколько дней потом ходить в крайне хреновом расположении духа...

Сейчас я как раз думал о том, что переезд в новую квартиру был правильным решением. Здесь наконец-то можно выдохнуть, забыть прошлое и начать сначала. И может быть,

хоть теперь это у меня получится...

За последние пять лет я сменил их штук десять, но нигде так и не смог усесться... Сначала не хотел, потом захотел свое, а потом копил, а вот теперь накопил и ничего найти не мог, до недавнего времени. Квартира показалась мне именно тем, что я хотел. Свободная, просторная, окна в пол и вид на набережную... Стоила, конечно, как боинг, но... не зря же я брался за все подряд, правда?

Тор вдруг резко остановился, наострил уши и коротко рыкнул, вырывая меня из мыслей. Мышцы пса напряглись, он смотрел в сторону соседнего двора. Моё сердце тут же замерло на мгновение, потому что я тоже отчётливо услышал детский испуганный крик, переходящий в визг ужаса.

Не раздумывая ни секунды, я отпустил поводок.

– Тор, фас! – бросил я коротко, и пёс, натренированный на уровне спецназа, сорвался с места пулей.

Через пару секунд я оказался за углом и увидел картину, от которой кровь застыла в жилах. Маленький парнишка, лет пяти или шести, отчаянно отбивался рюкзачком от трёх крупных бродячих псов, загнавших его на бетонную лестницу. Те, оскалившись, с лаем и рычанием пытались достать его за ботинок.

Тор не подвёл. В одно мгновение он влетел в самую гущу своры, тут же вычислил вожака и с мощным, уверенным рыком прижал его мордой к земле, вцепившись в загривок. Вожак дёрнулся пару раз, попытался вырваться, но, почувство-

вав превосходство Тора, жалобно заскулил. Остальные шавки быстро сообразили, что битва проиграна, поджали хвосты и ретировались прочь.

Я медленно подошёл ближе и дал команду:

– Тор, плюнь каку.

Пёс тут же разжал зубы, гордо отряхнулся и сел рядом, продолжая угрожающе поглядывать на поверженного противника, который, не оборачиваясь, бросился наутёк.

Мальчишка всё ещё стоял на лестнице, прижимая к груди рюкзак. Глаза огромные, полные испуга, но уже и восхищения. Я невольно усмехнулся и подошёл к нему.

– Ну что, герой, живой? – спросил я как можно мягче.

– Д-да... – кивнул он и тут же смущённо улыбнулся, переводя взгляд на Тора.

– А это ваша собака? Он не кусается?

– Он не собака. Он моя правая рука и лучший друг, – поправил я, подмигнув пацану.

– А зовут его Тор. Меня зовут Руслан. А тебя как?

– Матвей, – ответил мальчик, окончательно расслабляясь и с интересом разглядывая овчарку.

– Спасибо тебе, Тор. И вам, дядя Руслан.

Я улыбнулся и взъерошил ему светлые волосы.

– А ты чего один на улице делаешь в такую рань, Матвей?

Родители где?

Он вздохнул, закатил глаза и устало махнул рукой.

– Да мама с папой опять ругаются. Я вышел подождать,

пока мама не успокоится. Она всегда сильно переживает, когда они кричат...

Я невольно нахмурился. Что-то внутри неприятно дёрнулось от его слов, словно я вспомнил то, что давно хотел забыть. Его голос, манера говорить, взгляд... Что-то до боли знакомое и родное. На секунду в памяти всплыло лицо «этой женщины», и сердце болезненно сжалось.

– А где ты живёшь? Давай я тебя провожу до дома, чтобы снова в неприятности не попал, – предложил я.

Матвей тут же указал на соседний дом:

– Да вот тут, во втором подъезде. Мы недавно сюда переехали.

Я удивлённо вскинул брови.

– Серьёзно? Я тоже здесь живу, соседями будем, значит.

Мальчишка расплылся в широкой улыбке, окончательно растопив моё сердце. Тор, воспользовавшись паузой, радостно лизнул ему руку и получил заслуженные почесывания за ухом.

Хм... Обычно Тор не настолько доброжелателен... Чаще он держится с подчеркнутой вежливостью, но чтоб прям так... Лизать руку, серьезно?!

– Матвей! Господи, я чуть с ума не сошла! Ты где был?! – вдруг раздался женский голос за моей спиной, от которого меня резко бросило в жар, а затем в холод.

Каждый мускул в моём теле напрягся, а сердце на мгновение замерло, потому что я узнал этот голос. Голос, который

не слышал последние шесть лет и который снился мне почти каждую ночь.

Матвей радостно помахал кому-то рукой за моей спиной и, словно не замечая моего состояния, с гордостью произнёс:

– Вот, дядь Руслан. Это моя мама. Мама! Дядя Руслан и Тор спасли меня от собак! – потом малец снова посмотрел на меня. – Дядь Руслан, маму Оля зовут.

Я медленно повернулся, чувствуя, как каждый сантиметр моего тела сковывает напряжение. И тут же замер, не в силах отвести взгляда от женщины, за которой я был готов пойти хоть на край света. Женщины, исчезнувшей из моей жизни без объяснений и оставившей после себя лишь кольцо и горькое чувство пустоты.

«Эта женщина» стояла прямо напротив, и её холодные глаза, которые я так и не смог забыть, впились в меня с такой силой, что дыхание перехватило.

В голове пронеслась только одна мысль, от которой сердце рухнуло куда-то в пропасть:

«Стоп... А сколько пацану?!»

Глава 8

Оля

– Господи, да! Сашка, еще... – раздался женский протяжный стон, и меня снова будто ударило током.

Я застыла на пороге, сжимая ладонь Матвея, и почувствовала, как кровь приливает к голове, заглушая остальные звуки. Матвей удивлённо поднял глаза, но я резко развернула его и буквально вытолкала на улицу.

– Матюш, иди на площадку, поиграй пока. Я... хочу сделать папе сюрприз, ладно? – мой голос дрожал, но я изо всех сил старалась улыбаться сыну.

Матвей кивнул, всматриваясь мне в лицо своими большими, серьёзными глазами, так похожими на глаза человека, которого я запрещала себе вспоминать.

– Ты скоро, мам? – спросил он осторожно. В его голосе явно звучало беспокойство, и от этого моё сердце больно сжалось.

– Скоро, малыш. Иди, – прошептала я, чувствуя, как дрожат губы.

Матвей побежал к детской площадке, а я, тяжело сглотнув ком в горле, вернулась в дом. Меня трясло от гнева и отвращения, смешанных с отчаянием, которое не отпускало меня уже шесть лет. Каждый раз одно и то же... Те же мерзкие звуки, те же пошлые слова, то же унижение. Как будто судь-

ба решила снова и снова возвращать меня в ту самую ночь, когда меня предал «тот самый мужчина».

Я что, не усвоила урок?! За что мне все это?!

Я запретила себе произносить даже его имя. Оно приносило слишком много боли, особенно учитывая, что мой сын был его копией.

Матвею недавно исполнилось пять, и он был так похож на него – высокий, подтянутый и удивительно сильный для своего возраста. Даже его внезапная страсть к спорту была совершенно чуждой и мне, и Саше. Бокс, плавание, футбол – он словно пытался найти себя или... кого-то другого, кто мог быть ему ближе, чем его «отец».

Сердце болезненно ударилось о рёбра, когда я дошла до двери кухни и резко её толкнула.

На кухонном острове, среди разбросанных бокалов, я увидела Сашу, совершенно голого и поразительно бесстыдно-го. Какая-то длинноволосая брюнетка, вздрагивая от страсти, цеплялась за его плечи. Увидев меня, она пискнула и тут же начала в панике натягивать на себя платье, схватив сумочку и босиком метнувшись мимо меня к выходу, пискнув какие-то нелепые извинения...

Мне даже не хотелось поворачиваться вслед. Ничего нового.

– Опять? – холодно бросила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от омерзения.

– Саша, хотя бы не здесь. Здесь твой сын ест...

Он лениво усмехнулся, не торопясь прикрываться.

– И что? Я здоровый мужик, мне нужен секс. Ты его мне не даёшь. Или передумала? – Его губы изогнулись в гадкой усмешке.

– Размечтался. Никогда, – процедила я, сжав кулаки до боли.

Саша резко шагнул вперёд, нависнув надо мной своей массивной фигурой, заставляя меня вжаться в дверной косяк.

– Мне плевать. Захочу – заставлю, и ты будешь выполнять всё, что я скажу, вместо этих бесконечных баб, – прорычал он мне прямо в лицо.

– Не заставил же пока, – прошептала я, чувствуя, что воздуха катастрофически мало.

– Условия нашего договора составлял ты...

– Ты сама ко мне прибежишь, стоит только пальцем щёлкнуть. Ты на крючке, дорогая. Сын записан на меня, и если ты в тюрьму загремишь, он останется со мной. А мне всего лишь стоит обнародовать несколько документов и... Вуаля. Нравится перспектива?

От его слов холод пробежал по спине, и я задрожала.

– Ты не посмеешь...

– Ну вот тогда и закрой рот и перестань предъявлять мне претензии, – холодно выплюнул он.

– Захочу – буду водить баб даже в детскую. Усвоила?

От него пахло алкоголем. Полдень, а он уже пьян... Зна-

чит, на работе проблемы. Мне стало ещё тревожнее, и я заставила себя говорить спокойнее и перевести тему:

– У Матвея теперь ранние тренировки, основной тренер в отпуске. Мы могли бы на это время переехать в городскую квартиру. Ты ведь не против?

Он отошёл, медленно натягивая на себя штаны, даже не пытаясь скрыть раздражения:

– Я тоже поеду с вами. Послезавтра двинем.

– Нам нужно уже завтра, – осторожно возразила я.

– Давай мы сегодня поедem, а ты приедешь, как сможешь?

Чернов тяжело вздохнул, оглянулся и, приблизившись снова, ухватил меня за подбородок:

– Только без глупостей, Оль. Ты даже не успеешь сбежать, будешь в розыске через пару часов.

Я судорожно кивнула:

– Я поняла...

– Вот и умница, – отмахнулся он, отпуская меня и направляясь к бокалам.

– В субботу ужин с Грековыми. Купи себе что-то соблазнительное. Грекову нравится твоя фигура, а мне нужна его подпись на важном документе.

Я похолодела, чувствуя себя грязной и униженной до предела. Чернов снова собирался выставить меня как вещь, как игрушку, чтобы добиться своих целей. Да, до сих пор никто себе ничего не позволял, но роль манекена на его показательных ужинах меня убивала.

– Оля, я непонятно выразился? – его голос стал резче, опаснее.

– Поняла. Можно идти? – мой голос дрожал, но я старалась не смотреть ему в глаза.

– Вали. Приеду послезавтра. Приготовь ужин, надоела ресторанная еда.

Я коротко кивнула и быстро выскользнула из кухни, чувствуя, как бешено колотится сердце. Только выйдя на улицу, смогла нормально вздохнуть, глотая свежий воздух и пытаюсь унять дрожь.

Всего пара дней свободы.

Целых пара дней без него!

И пусть впереди снова был ад, пусть снова унижение и боль, но сейчас я могла думать лишь о том, что хотя бы на эти короткие мгновения я смогу вдохнуть полной грудью.

Подняв голову, я увидела Матвея, который махал мне рукой с площадки, и сердце сжалось снова. Я улыбнулась ему, пряча слёзы и боль глубоко-глубоко внутри. Ради него я выдержу всё. Я справлюсь. Я должна.

Потому что он – моя единственная причина жить дальше.

Глава 9

Оля

– Где тебя носит, Оля?! Почему дома не ночевала? – рявкнул Саша в трубку так, что я инстинктивно отодвинула телефон от уха, болезненно морщась.

Вот же гад, проспался наконец! Я тяжело вздохнула, поправила куртку и, стараясь говорить ровно и спокойно, сказала:

– Саш, ты вчера сам дал добро, чтобы мы с Матвеем переехали в городскую квартиру на время тренировок. У тебя опять провалы в памяти?

– Ты ещё и издеваться будешь?! – голос его взлетел ещё выше.

– Даже если и разрешил, ты обязана была остаться, видя моё состояние! Кто знает, что со мной могло случиться?!

Я нервно сжала телефон, чувствуя, как к щекам приливает раздражение.

– То есть ты серьёзно считаешь, что я снова должна вставать в пять утра и тащить сына на тренировку через весь город? Ты рехнулся?

– Не перехрянешь! – взревел Чернов. – И вообще... Жена должна спать в одной кровати с мужем!

Началось... Старые песни о главном...

– Mam, я выйду на улицу, подожду, – тихо сказал Матвей,

поднимая на меня напряжённый взгляд. Сын слишком часто становился свидетелем наших скандалов, и меня это ужасало до дрожи. Надо было с этим заканчивать, только вот... как это донести до своего тупорылого муженька?!

– Да, иди, милый, скоро буду, – я мягко улыбнулась, провожая его взглядом до двери, и лишь когда он вышел, резко продолжила, уже не сдерживаясь:

– Слушай сюда, Чернов. Мы с тобой не раз обсуждали это! Ты ведёшь себя неадекватно, не отказываешь себе в гулянках с горячительными, тащишь в дом разных баб, а теперь ещё и упрекаешь меня, что я не сплю с тобой в одной кровати?! Ты вообще в своём уме?!

– А чего ты ожидала, а?! – вспыхнул он.

– Да, мне нужна нормальная семья! Мне нужны дети, чтобы расти дальше по карьерной лестнице! Я хочу в Верховный! А ты? Пять лет, Оля! Почему у нас до сих пор нет второго ребёнка? Почему я должен объяснять коллегам, что мы просто не торопимся, если хочу поторопиться?!

Меня пробил холодный пот, и я на мгновение закрыла глаза, чтобы удержаться и не наговорить лишнего, но... не получилось.

– А я тебя не люблю, Чернов! – неожиданно резко сказала я.

– И рожать детей человеку, который меня шантажирует и при каждом удобном случае грозитя упечь в тюрьму, – это быть совсем чокнутой! Ты сам захотел этот фиктивный брак,

тебе было некогда искать другую! Теперь хочешь, чтобы я ещё и жизнь на твою карьеру положила?! Нет уж, увольте!

– Ты будешь делать то, что я скажу, – процедил он ледяным голосом. – Наш договор...

– В нашем договоре, – перебила я, сжимая трубку до боли в пальцах, – ни слова нет про то, сколько детей я должна тебе родить и уж тем более про супружеский долг! Ты сам составлял его, сам просчитался, так что отвали, моя черешня!

– Это подразумевалось! – прошипел он сквозь зубы.

– Подай на меня в суд, Саша! Представь, какой будет фурор: уважаемый судья высшего арбитражного суда судится с собственной женой за право залезть к ней в постель! – я нервно рассмеялась. – Пресса будет в восторге!

Он шумно выдохнул, и я поняла, что зашла слишком далеко.

– Ты очень пожалеешь, Оля, – тихо проговорил он. – Очень сильно пожалеешь, если сбежишь.

– А я никуда не сбегаяю, – упрямо сказала я, чувствуя, как от напряжения дрожит голос.

– Мне надо отвезти сына на тренировку. Всё. Адьес!

Я сбросила звонок и резко вдохнула, пытаюсь унять дрожь в руках.

Мой разговор с Сашей давно перешёл все разумные границы, но что делать, если по-хорошему он не понимает? Я прекрасно осознавала, что нахожусь на грани, и Чернов не раз доказывал, что может в любой момент уничтожить меня.

Но я устала бояться. Чёрт возьми, я просто устала.

Выскочив на улицу, я вдруг ощутила странное беспокойство. Огляделась, сердце неприятно кольнуло. Матвея нигде не было.

– Матвей! Матюш! – позвала я, пытаюсь подавить тревогу. Сын не отзывался, площадка была пуста, и паника мгновенно захлестнула меня с головой.

– Матвей! – я металась из стороны в сторону, заглядывая за деревья, лавочки, под машины, сердце колотилось так сильно, что казалось, оно вот-вот вырвется из груди.

Уже схватившись за телефон, чтобы набрать номер полиции, я вдруг услышала звонкий детский голосок:

– Мам! Мам, смотри, кто у нас!

Резко развернувшись, я увидела сына. Он стоял в нескольких метрах от меня и радостно улыбался. Рядом с ним был большой красивый пёс и...

Я застыла на месте, чувствуя, как кровь отхлынула от лица. Это был он. Руслан. Мужчина, которого я не видела шесть лет и которого отчаянно старалась забыть, был здесь и смотрел прямо на меня, буравя тяжёлым, пронзительным взглядом.

– Мам, это Тор! Он меня спас! У дяди Руслана самая классная собака на свете! – восторженно заявил Матвей, и у меня сдавило в груди от того, как легко и непринуждённо звучало имя Руслана в его устах.

– Здравствуй, Оля, – произнёс Руслан. Его голос был чуть

хриплым, низким, таким знакомым и чужим одновременно.

– Руслан, – холодно ответила я, отчаянно борясь с эмоциями, захлестнувшими меня с головой.

Он чуть усмехнулся, внимательно посмотрел на Матвея, а потом перевёл взгляд на меня, на мою руку с кольцом, и язвительно произнёс:

– Поздравляю, Оль. Вижу, ты наконец нашла того, с кем захотела связать свою жизнь. Счастлива?

Я стиснула зубы, чувствуя, как в груди закипает злость.

– Не твоё дело, – бросила я.

Матвей снова отвлёк нас, повернувшись ко мне и умоляюще спросив:

– Мам, а давай мы тоже собаку заведём?

– Нет, Матвей, мы это уже обсуждали... И вообще, нам пора, мы уже опаздываем, – резко ответила я, маня сына за собой и собираясь пройти мимо Руслана.

Но тот оказался быстрее и схватил меня за локоть, заставив остановиться.

– Ничего не хочешь мне сказать? – тихо и напряжённо спросил он.

– Это я должна что-то сказать?! – вспыхнула я.

– Совсем обнаглел, Абрамов?!

– И что тут происходит? – вдруг холодно спросил чей-то знакомый и до боли неприятный голос у меня за спиной.

– Ой... привет, пап.

Всё внутри меня похолодело.

И вот как теперь объяснить психопату-ревнивцу, что тут ничего не произошло?!

Глава 10

Руслан

– Так это и есть твой муж, Оля? – вырвалось у меня прежде, чем успел сдержаться. Голос прозвучал тихо, спокойно, но внутри всё кипело.

Я отпустил её локоть, отступил на шаг и скользнул взглядом по мужчине, который только что подошёл. Высокий, уверенный в себе, с той особенной холодной надменностью, которая всегда выдает людей, уверенных, что мир принадлежит им. Я видел таких сотни. И все до единого вызывали у меня стойкую изжогу...

Он стоял слишком близко.

Слишком демонстративно... Будто нарочно метил территорию.

– А вы, простите, кто? – произнёс он, оценивающе глядя на меня, потом на Тора. В его голосе слышалось не любопытство, а предупреждение.

– Сосед, – коротко ответил я, чуть приподняв уголок губ.

– Ваш сын познакомился с моим псом. Тор помог ему... разобраться с неприятностями.

Мужчина прищурился, не скрывая раздражения.

– Неприятности?

– Три бездомных пса, – уточнил я спокойно, не сводя с

него взгляда. – Парень держался достойно.

Мальчишка – Матвей – стоял позади Оли, прижимаясь к ней плечом. Его ладошка судорожно сжимала край её пальто. Я заметил, как он чуть втянул голову в плечи, едва его отец подошёл ближе. Тор рядом со мной тихо зарычал – негромко, но с таким мрачным предупреждением, что мужик машинально отступил на полшага.

– Тихо, Тор, – сказал я, не глядя на собаку, и тот сразу замолчал, но продолжал следить за мужчиной внимательными янтарными глазами.

Саша выдавил сухую усмешку, явно пытаясь вернуть себе уверенность.

– У вас хорошо выдрессированная собака. Не каждый день встретишь такую дисциплину.

– Мы похожи, – ответил я. – Я не люблю, когда лают без причины.

Мгновение тишины. Его взгляд скользнул по Оле, потом снова ко мне.

– Давно знакомы?

Я поймал вопрос в его интонации и едва заметно усмехнулся.

– Давненько, – ответил я спокойно. – Можно сказать, раньше мы были близки.

Он напрягся. Совсем чуть-чуть – но я увидел, как на скулах дернулась мышца.

Оля вздрогнула, будто от удара, и тут же отвернулась. Её пальцы побелели, когда она крепче сжала руку сына. Я отметил: она не спорит, не поправляет, не говорит ничего.

Бойтся? Или просто не видит смысла?

Матвей при этом совсем съёжился. Отца он не смотрел – глаза потухли, плечи прижаты к телу, будто готовится к подзатыльнику.

Что-то с ними не так. Совсем не так.

Я уже молчу о том, что малец на отца похож примерно также, как я на балерину...

– Случайная встреча, – сказал я, чтобы хоть как-то разрядить атмосферу.

– Тор спас вашего сына, мы разговорились.

Я посмотрел прямо на мужа Оли, позволив себе едва заметную усмешку.

– Хороший мальчик. Воспитанный. Сразу видно – мать много сил в него вкладывает.

Он понял. О, он прекрасно понял мой намёк. Глаза сузились, в них мелькнула злость, мгновенно спрятанная за холодной вежливостью.

– У нас в семье всё в порядке, – произнёс он ровно.

– И о воспитании моего сына можете не беспокоиться.

– Ни секунды не сомневаюсь, – ответил я мягко, но не

отвёл взгляда.

Тор снова глухо зарычал, на этот раз чуть громче, и я заметил, как шерсть у него на холке встала дыбом. Даже псу этот выхухоль был не по душе...

– Тихо, дружище, – я опустил руку, коснувшись его шеи. Он сразу притих, но глаза не отвёл.

Я снова посмотрел на Олю. Она стояла чуть в стороне, лицо бледное, губы сжаты. Даже держалась иначе – сжато, настороженно, как человек, который живёт в постоянном ожидании удара.

Шесть лет назад она умела смеяться. По-настоящему. А сейчас – будто выжжена изнутри.

– Ещё раз спасибо, что помогли, – произнесла она наконец, глядя куда угодно, только не на меня. – Мы пойдём.

– Конечно, – ответил я спокойно.

– Но, если Матвей снова решит прогуляться, пусть не стесняется постучать. Мы с Тором теперь ваши соседи.

Матвей поднял голову, глаза у него загорелись.

– Правда, можно?

Я улыбнулся, впервые по-настоящему тепло.

– Конечно, парень. Тор рад новым друзьям.

– Всё, Матвей, пора, – резко сказала Оля и потянула сына за руку.

Они прошли мимо, и я почувствовал, как внутри что-то

болезненно дернулось. Я не удержался, посмотрел ей вслед. Шаг быстрый, плечи напряжённые. Сын идёт рядом, всё время озираясь – то на пса, то на меня.

Где-то внутри шевельнулось что-то первобытное... словно... я упустил из рук... свое? Что за черт...

Мужик задержался. Глянул на меня с той снисходительной ухмылкой, от которой внутри мгновенно вскипает ярость.

– Рад знакомству, сосед, – произнёс он с нажимом.

– Надеюсь, больше вы не будете пересекаться с моей семьёй.

Я чуть склонил голову, изображая вежливость.

– Сомневаюсь, – ответил я. – Мир тесен. Особенно если живёшь в одном доме...

Он хмыкнул, но в глазах мелькнула досада. Развернулся и пошёл вслед за Олей.

Я стоял, пока их фигуры не скрылись за углом. Тор тихо фыркнул, будто комментируя увиденное, и я кивнул:

– Знаю, дружище. Мне он тоже не нравится.

Мы двинулись к подъезду. Холодный воздух слегка остудил мысли, но сердце колотилось как бешеное.

Я видел всё, что хотел скрыть этот выскочка. Видел, как при нём ребёнок съёживается, а Оля будто замирает от стра-

ха. И если я прав...

Я провёл ладонью по лицу, тяжело выдыхая.

– Если он хоть раз поднимал на них руку, – сказал я тихо, и Тор поднял на меня глаза, будто понимая каждое слово, – мы ему откусим что-то ненужное, да, Тор?

Мы шли дальше. Тор шёл рядом, уверенно и спокойно, но у меня внутри уже не было покоя.

Спустя шесть лет я снова видел женщину, которую любил.

И, чёрт побери, кажется меня снова заклинило...

Глава 11

Оля

– Мам, ты не забыла бутылку с водой? – голос Матвея выдернул меня из мыслей.

Я вздрогнула, будто вернулась из другого мира, и кивнула, выживая из сумки пластиковую бутылку.

– Вот, держи. Только не разлей, – улыбнулась я, хотя губы не слушались.

Он нахлобучил шапку и помахал мне на прощание, а я проводила его взглядом до самого входа в спортивный центр и лишь потом позволила себе выдохнуть.

Когда стеклянные двери закрылись за сыном, я наконец села в машину. Руки все еще дрожали. Я опустила голову на руль и прикрыла глаза.

Перед глазами вспыхнуло лицо Руслана – тот взгляд, который прожигает насквозь, будто время между нами не прошло вовсе. Шесть лет... шесть лет тишины, и одно короткое мгновение снова перевернуло всё внутри.

Я не хотела помнить, но память упрямая тварь.

Его голос, хрипловатый, будто шершавый. Его руки – сильные, уверенные. И то, как я всегда ощущала себя рядом

с ним живой. Настоящей.

А рядом с Черновым – просто существую. Дышу, двигаюсь, улыбаюсь по расписанию.

Я заставила себя выдохнуть и ударила ладонью по рулю.

Нет. Хватит. Руслан был ошибкой. Прекрасной, разрушительной ошибкой, за которую я до сих пор плачу. Он предал. Он разрушил то, что казалось вечным.

«Ты зверь, Абрамов!» – всплыло в голове чужое, женское, и сердце болезненно сжалось.

Я откинулась на спинку кресла, зажмурилась, но от себя ведь не убежишь. От того, как сердце все равно вздрагивает, стоит только вспомнить его взгляд, тоже.

Чернов.

Господи, что я ему скажу?

Он же прекрасно знает про Руслана... Я, конечно, ему мало что рассказывала, но теперь... Саша явно наведет справки... И тогда я не уверена, что смогу снова выдержать его вспышку ревности.

Я опустила окно, чтобы глотнуть холодного воздуха. Машину слегка качнуло от ветра, и я вдруг заметила, как на стекле отражаются мои глаза. Потухшие. Уставшие. Совсем

не те, что когда-то смотрели на Руслана с верой и любовью.

Через полтора часа дверь спортзала распахнулась, и Матвей, разругавшийся, довольный, выбежал ко мне.

– Мам, представляешь, я сегодня два раза подряд выбил мешок! – радостно сообщил он, застёгивая куртку.

Я улыбнулась, погладила по макушке.

– Умничка. Мамина гордость.

– А можно, я потом покажу это дяде Руслану? – выпалил он вдруг, и я застыла.

Сердце ухнуло куда-то вниз, дыхание сбилось.

– Что? – я попыталась изобразить спокойствие.

– С чего ты взял, что ему это интересно?

– Ну... он сильный. И у него Тор. Он сказал, что Тор тоже тренировался, как настоящий спортсмен.

Я уставилась на сына, не в силах выдать ни слова. Руслан уже успел для него стать героем.

– Матвей, – произнесла я наконец, стараясь говорить мягко, – мы с дядей Русланом давно не общались. И... не стоит.

– Почему? Он же хороший! – мальчик нахмурился, надув

губы. – Он добрый, мам. И Тор классный.

– Я знаю, – ответила я, чувствуя, как голос срывается. – Просто так нужно, слышишь?

Он пожал плечами, но я видела, что не поверил.

– А может, если папа будет злиться, дядя Руслан ему объяснит, что нельзя на тебя кричать? – сказал он тихо, будто между делом.

Воздух застрял в горле.

– Что ты сказал? – прошептала я.

– Ну... – Матвей взглянул на меня снизу вверх, виновато, – просто он тебя всё время обижает... а дядя Руслан сильный. Он сможет нас защитить.

Я зажмурилась, глотая ком, подступивший к горлу.

– Матвей, – тихо сказала я, – взрослые сами должны решать свои проблемы.

– Но ты же сама говорила, что нельзя терпеть, когда тебя обижают.

Он попал точно в сердце. Маленький, а говорит так, будто взрослый.

Я не нашлась, что ответить. Просто обняла его, прижимая к себе, пока он не вывернулся с недовольным «мам, ты же душишь».

Дома я включила чайник, поставила кружку и уставилась в окно.

Небо затянуло серыми облаками, и мне вдруг показалось, что надвигается буря. Самая настоящая – не природная, а та, что уже много лет не отпускает меня.

Телефон завибрировал на столе.

Экран вспыхнул, выветив короткое сообщение от Саши:

«Домой приеду – нас ждет разговор».

Пальцы сами ослабли, и телефон едва не выскользнул из рук.

Я долго смотрела на эти четыре слова, чувствуя, как к горлу снова подступает тошнота.

Я была права... Навести справки для такого человека, как Чернов, дело пары часов...

Я опустила на стул и закрыла лицо ладонями.

Сердце стучало так громко, что я слышала его в висках.

Руслан. Чернов. Матвей. Всё снова сплелось в один узел, который не развязать, ни разрубить.

А ведь я правда думала, что смогу прожить эти пару дней спокойно.

Наивная.

Глава 12

Руслан

– Значит, говоришь, её муж – крупная птица? Судья? – Дамир задумчиво потёр подбородок, разглядывая меня с едва скрываемым любопытством.

– Ты в курсе, что копаешь под такого человека?

Я раздражённо вздохнул, не сводя с него взгляда.

– В курсе, Дамир. Поверь, я прекрасно понимаю, чем рискую.

Он чуть склонил голову набок, пристально смотря на меня, будто пытаюсь заглянуть в душу.

– Рус, дело, конечно, твоё, но ты уверен, что готов снова связаться в её жизнь? Шесть лет прошло, а тебя до сих пор не отпустило?

Я усмехнулся, не весело, а скорее горько.

– Мне казалось, отпустило. Но теперь я вижу, что нет. Тем более, там мальчишка, Дамир. Я не могу просто пройти мимо.

– Ты уверен, что это её ребёнок от тебя?

Вопрос повис в воздухе, тяжёлый, липкий. Я выдержал паузу, медленно выдохнув:

– Нет. Пока не уверен. Да и... плевать я хотел. Чей бы он ни был, я не хочу быть причастен к такому... Знать, что в семье происходит абьюз и пройти мимо? Ты же знаешь, это

не про нас... Но, справедливости ради, пацан на меня так похож, что это пугает до чёртиков. Ну либо я вижу то, чего нет...

Дамир задумчиво кивнул, внимательно глядя в окно офиса.

– Хорошо. Пусть Антонов этим займётся. Он раскопает всё. Если этот судья где-то наследил, Мишаня его точно на чистую воду выведет. Будьте осторожны, главное. Я, конечно, вас прикрою, но... некоторые шишки не способны на понимание. Получим все по шапке.

– Спасибо, – выдохнул я и поднялся со стула. – С меня должок.

Дамир махнул рукой.

– Да ладно тебе, Рус. Главное, не наломай дров. Она же уже раз тебя бросила, помнишь?

– Спасибо, что напомнил, – процедил я сквозь зубы и вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

Через пару часов мы уже сидели в маленьком кафе на окраине города, где, как всегда, было пусто и тихо. Напротив меня устроился Миша Антонов – крупный, плечистый, с видом «отойди-пришибу», но, вопреки внешности, добрейшей души человек и по совместительству отменный повар.

– Короче, говоришь, судья, – протянул он, внимательно слушая меня и поглощая очередной кусок яблочного пирога.

– Уж больно рискованно. Точно надо?

– Точно, – я кивнул, хмуро глядя в окно. – Там Оля. И

мальчик, который, вполне возможно, мой сын.

Миша присвистнул, откладывая вилку в сторону.

– Ну тогда у нас вообще мало вариантов. Придётся его как следует копнуть, и вряд ли получится красиво. Такие люди обычно так просто грязь под коврик не прячут – у них обычно целый склад в шкафах.

– Мне неважно, красиво или нет. Главное – быстро, Миш. Я чувствую, что там что-то очень грязное. Оля... она изменилась. Будто её сломали изнутри, понимаешь?

Миша понимающе кивнул.

– Ладно. Сделаю. Завтра у тебя уже будет кое-что на руках. Ну а там решишь, как поступать.

Я благодарно хлопнул его по плечу и вышел на улицу. Холодный воздух слегка остудил эмоции, и я решил прогуляться пешком до дома, заодно и выгулять Тора... Он сегодня молодец... Нашел крупного хитрожопого торговца гадо-стью... Заслужил бесцельную гулянку и пугнуть пару кошек!

Возле подъезда я услышал знакомый детский голосок:

– Тор! Иди сюда, Торик!

Остановился, обернулся. Мальчишка стоял у лавочки и радостно махал нам рукой, широко улыбаясь. Я почувствовал, как сердце мгновенно ускорило ритм. Тор же, услышав знакомый голос, тут же потянул поводок, рванувшись навстречу Матвею.

– Здравствуй, дядя Руслан! – мальчишка подошёл ближе, доверчиво заглядывая мне в глаза.

– А можно погладить Тора?

Я улыбнулся, ощутив внутри странное, почти забытое тепло.

– Конечно. Только аккуратно – он сегодня немного не в духе.

Матвей осторожно потрепал овчарку за ушами, и Тор тут же растаял, положив свою огромную морду на его ладонь.

– Как дела, парень? – спросил я спокойно.

– Что-то случилось?

Он пожал плечами и слегка нахмурился.

– Да нет... Просто мама опять грустная. Мне кажется, это папа виноват.

Сердце резко сжалось в груди. Я осторожно опустил на корточки перед мальчиком и внимательно посмотрел в его серьёзные глаза, так похожие на мои собственные.

– Ты часто видишь, как папа ругается на маму?

Матвей не ответил, только слегка отвёл взгляд и кивнул. Этот маленький жест сказал мне больше, чем тысячи слов.

– Знаешь, – продолжил он чуть тише, доверчиво наклоняясь ко мне, – мне кажется, что мама боится его. Она улыбается, а в глазах... грустно так. И она часто плачет, когда думает, что я уже сплю... А я не сплю!

Горло сжалось так сильно, что я едва не задохнулся. Хотелось рвануть туда прямо сейчас, найти Чернова и разобраться раз и навсегда. Но я только осторожно положил руку на плечо мальчика и сдержанно улыбнулся.

– Не бойся, Матвей. Ты же сильный, правда?

Он кивнул серьёзно и уверенно, совсем по-взрослому.

– Я маму защищу. Я уже сказал ей, что можно попросить помощи у тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.